

Документ Смешанной международной комиссией по богословскому диалогу между Православной и Католической Церквами

«Роль епископа Рима в первом тысячелетии»

Айос-Николаос, Крит, Греция, 27 сентября – 4 октября 2008 г.

Введение

1. В равеннском документе "Экклезиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви: церковное общение, соборность и власть" католики и православные признают нераздельную связь между соборностью и приматом на всех уровнях церковной жизни: "Примат и соборность взаимозависимы. Поэтому на различных уровнях церковной жизни — местном, региональном и вселенском — примат должен всегда рассматриваться в контексте соборности (*Примечание переводчика 1 – См. в конце документа*), а соборность, таким же образом, — в контексте примата" (Равеннский документ, пар. 43). Они также пришли к соглашению, что "в каноническом порядке (*taxis*), засвидетельствованном древней Церковью", который был "признан всеми во времена неразделенной Церкви", "Рим, как Церковь, которая "председательствует в любви", согласно выражению св. Игнатия Антиохийского, занимал первое место в *taxis*, и поэтому римский епископ был первым среди патриархов" (пар. 40, 41). Документ рассматривает активную роль и прерогативы епископа Рима как "protos (первого) среди патриархов" (*Прим. Пер. 2*), "первого из епископов главных престолов" (пар. 41, 42), и приходит к заключению, что "роль Римского епископа в общении со всеми Церквами должна быть изучена более глубоко". "В чем заключается специфическая функция епископа "первого престола" в экклезиологии *κοινωνία* [общения] (*Прим. Пер. 3*)?" (пар. 45).

2. Поэтому тема новой стадии богословского диалога — "Роль епископа Рима в общении Церкви в первом тысячелетии". Целью является более глубокое понимание роли епископа Рима в тот период, когда Церкви Востока и Запада были в общении, несмотря на некоторые расхождения между ними, — чтобы таким образом ответить на поставленный выше вопрос.

3. Настоящий текст будет разрабатывать эту тему посредством рассмотрения следующих четырех пунктов:
- Церковь Рима, *prima sedes* [первенствующий престол]

- Римский епископ как преемник Петра
- роль Римского епископа во времена кризиса церковного общения
- влияние небогословских факторов.

Римская Церковь, "prima sedes"

4. Католики и православные согласны с тем, что с апостольских времен Церковь Рима признавалась первой среди поместных Церквей как Востока, так и Запада. Писания мужей апостольских ясно подтверждают этот факт. Рим, столица империи, быстро стал известен в ранней Церкви как место мученичества святых Петра и Павла (ср. Апок. 11:3-12). Он занимал исключительное место среди поместных Церквей и имел исключительное влияние. В конце первого века, обращаясь к примеру мучеников Петра и Павла, Римская Церковь написала длинное письмо Коринфской Церкви, которая изгнала своих старейшин (1 Клим. 1, 44), и призывала к тому, чтобы единство и гармония (*homonoia* [буквально "единомыслие"]) были восстановлены. Письмо было написано Климентом, впоследствии отождествленным с епископом Рима (ср. Иринея, *Против ересей*, 3, 3, 2), хотя точная форма главенства в Риме в этот период остается неясной.

5. Вскоре после этого, на пути к мученичеству в Риме, Игнатий Антиохийский писал о Римской Церкви с большим уважением, как о "достойной Бога, достойной чести, достойной называться благословенной, достойной процветания, достойной чистоты". Он обращался к ней как к "председательствующей в области римлян", а также "председательствующей в любви" ("*prokathemene tes agapes*", Послание к Римлянам, приветствие). Эта фраза интерпретируется различным образом, однако, вероятно, она говорит о том, что Рим обладал старшинством и главенством в данной области, и что он был знаменит главными христианскими качествами, а именно, верой и любовью. Игнатий также говорил о Петре и Павле, которые проповедовали римлянам (К Римлянам, 4).

6. Иринея подчеркивал, что Церковь Рима была надежным эталоном [reference point, букв. "начало координат", "точка отсчета"] для апостольского учения. С этой Церковью, основанной Петром и Павлом, необходимо, чтобы каждая Церковь согласилась (*convenire*) "*propter potentiolem principalitatem*" — фраза, которую можно понимать по-

разному — "из-за ее более великого происхождения" или "из-за ее более значительного авторитета" (Против ересей, 3, 3, 2). Тертуллиан также прославлял Римскую Церковь, "на которую апостолы (Петр и Павел) излили все свое учение вместе со своей кровью". Рим был наиболее выдающейся среди апостольских Церквей, и ни один из многих еретиков, которые шли сюда, чтобы получить одобрение, не был даже принят (ср. О прескрипции [отводе возражений] еретиков, 36). Римская Церковь была поэтому эталоном (reference point) сразу и для "правила веры", и для поисков мирного разрешения трудностей как внутрицерковных, так и возникавших между некоторыми Церквями.

7. Римский епископ иногда был не согласен с другими епископами. Относительно даты Пасхи Аникита Римский и Поликарп Смирнский не пришли к согласию в 154 году, но сохранили евхаристическое общение. Сорок лет спустя епископ Виктор Римский повелел собраться соборам, чтобы окончательно разрешить вопрос, — интересный ранний пример соборности и, заодно, пап, одобряющих соборы, — и отлучил от общения Поликрата Эфесского и азиатских епископов, когда их собор отказался принять римскую линию. Иринеи упрекал Виктора за его суровость и, видимо, он отменил свое решение, и общение сохранилось. В середине III века разразился большой конфликт относительно вопроса, нужно ли перекрещивать крещеных у еретиков при принятии в Церковь. Ссылаясь на местную традицию, Киприан Карфагенский и епископы Северной Африки, которых поддерживали соборы вокруг восточного епископа Фирмилиана Кесарийского, настаивали, что такие люди должны пререкрещиваться, в то время как епископ Стефан Римский, который ссылался на римскую традицию и даже на Петра и Павла (Киприан, Посл. 75, 6, 2), говорил, что нет. Общение между Стефаном и Киприаном сильно пострадало, но не было формально прервано. Ранние века показывают, что взгляды и решения римских епископов иногда оспаривались их собратьями-епископами. Они также показывают интенсивную соборную жизнь ранней Церкви. Например, множество африканских соборов того времени и частая переписка Киприана со Стефаном, а особенно с его предшественником Корнилием демонстрируют дух живой коллегиальности (ср. Киприан, Посл. 55, 6, 1-2).

8. Все церкви Востока и Запада верили, что Римская Церковь имеет первое место (т.е. примат) среди Церквей. Этот примат следовал из нескольких факторов: основание этой Церкви Петром и Павлом, и

ощущение их живого присутствия в ней; мученичество в Риме этих двух первоверховных апостолов (*koryphes*), и расположение их гробниц (*tropaia*) в городе; и тот факт, что Рим был столицей империи и центром коммуникаций.

9. Ранние века показывают фундаментальную и нераздельную связь между приматом Римского престола и приматом его епископа: каждый епископ представляет, персонифицирует и выражает свой престол (ср. Игнатий Антиохийский, Послание к Смирнянам 8; Киприан, Посл. 66, 8). Действительно, было бы невозможно говорить о примате епископа, не упоминая его престол. Со второй половины II века существовало учение, что непрерывность апостольского предания означает и выражается в преемстве епископами тех кафедр, которые были основаны апостолами. Восток и Запад продолжали придерживаться убеждения, что примат престола предшествует примату его епископа и является источником последнего.

10. Киприан верил, что единство епископата и Церкви было символизировано личностью Петра, которому было дано первенство [*primacy* — "примат"], и его кафедрой, и что на всех епископах в совокупности лежит эта ответственность ("*in solidum*"; О единстве Церкви, 4-5). Поэтому кафедру Петра можно найти в любом престоле, но особенно в Римском. Те, кто приходят в Рим, приходят "к кафедре Петра, к первенствующей Церкви, к самому источнику епископского единства" (Посл. 59, 14, 1).

11. Примат Римского епископа оказался выраженным в различных концепциях: *cathedra Petri* (кафедра Петра), *sedes apostolica* (апостольский престол), *prima sedes* (первый престол). Однако, говоря словами Папы Геласия, "первый престол не подсуден никому" ("*Prima sedes a nemine iudicatur*"; cf. Посл. 4, PL 58, 28B; Посл. 13, PL 59, 64A (*Прим. Пер. 4*)), что позднее было поставлено в экклезиологический контекст и стало предметом для споров между Востоком и Западом, первоначально лишь в том смысле, что император не может судить Папу.

12. Восточная и Западная традиции признают определенную "честь" (*timi*) первого среди патриарших престолов, которая не является исключительно почетной (6 правило Никейского собора; 3 правило Константинопольского собора; 28 правило Халкидонского собора). Она закрепляет "власть" (*exousia*; ср. Равеннский документ, пар. 12), которая,

тем не менее, осуществляется "без господства, без физического или морального насилия" (Равенский документ, пар. 14). Хотя в первом тысячелетии Вселенские соборы созывались императором, ни один собор не мог быть признан вселенским без предварительного или последующего одобрения Папы. Это можно рассматривать как применение на вселенском уровне жизни Церкви принципа, провозглашенного в 34 Апостольском правиле: "Епископы каждой провинции [province] (ethnos) должны признать того, кто первенствует (protos) среди них, и считать его своей главой (kephale) и не делать ничего важного без его согласия (gnome); каждый епископ может делать только то, что касается его собственной епархии (paroikia) и зависимых от нее территорий. Но первенствующий (protos) не может делать что бы то ни было без одобрения остальных. И таким образом согласие (homonoia) да будет преобладать, и похвалится Бог чрез Господа во Святом Духе" (ср. Равенский документ, пар. 24). На всех уровнях церковной жизни примат и соборность взаимозависимы.

13. Император Юстиниан (527-565) закрепил чин пяти главных престолов — Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского — в имперском праве (Новеллы 131, 2; ср. 109 предисловие; 123, 3), установив, таким образом, то, что теперь известно как пентархия. Римский епископ считался первым по чину (taxis), хотя традиция Петра не упоминалась.

14. При Папе Григории I (590-604), полемика, которая уже началась при Папе Пелагии II (579-590) относительно титула "Вселенского Патриарха" для патриарха Константинополя, продолжилась. Различное понимание этого титула на Востоке и на Западе привело к возникновению полемики. Григорий видел в этом титуле недопустимое самомнение и нарушение канонических прав других восточных престолов, в то время как на Востоке этот титул понимался как выражение более обширных прав патриархата. Позднее Рим согласился с этим титулом. Григорий говорил, что лично он отказался от титула "Вселенский Папа", вместо этого считая честью, если каждый епископ получит честь, принадлежащую ему ("моя честь есть честь моих братьев", Посл. 8, 29). Он называл сам себя "рабом рабов Божиих" (servus servorum dei).

15. Коронация Карла Великого в 800 году Папой Львом III стала началом новой эры в истории папских притязаний. Еще одним фактором, который

привел к различиям между Востоком и Западом, стало появление Ложных Декреталий (ок. 850), которые были направлены на усиление римской власти для защиты епископов. Декреталии сыграли огромную роль в последующие годы, так как Папы постепенно стали действовать в духе Декреталий, в которых заявлялось, например, что по всем важным вопросам (*causae maiores*), особенно касающимся низложения епископов и митрополитов, окончательное решение принимает Римский епископ, и что все вселенские и поместные соборы получают законную власть посредством утверждения Римским престолом. Константинопольские Патриархи не приняли эту точку зрения, которая противоречила принципам соборности. Хотя в Декреталиях, на самом деле, речь не шла о Востоке, но на поздней стадии, во втором тысячелетии, представители Запада применяли их к Востоку. Несмотря на растущее напряжение, в 1000 году христиане Востока и Запада все еще признавали себя принадлежащими к единой неразделенной Церкви.

Римский епископ как наследник Петра

16. Первоначальный акцент на связи Римского престола сразу и с Петром, и с Павлом постепенно развился на Западе в более специфическую связь между епископом Рима и апостолом Петром. Папа Стефан (середина III века) первым отнес слова Мф. 16:18 ("Ты Петр, и на этом камне Я воздвигну Свою Церковь") к своей собственной должности [*office*]. Константинопольский собор 381 года уточнил, что Константинополь должен иметь второе место после Рима: "Потому что это Новый Рим, епископ Константинопольский должен иметь превосходство чести после Римского епископа" (правило 3). Таким образом, критерием, из которого исходил собор при установлении порядка престолов, было не основание апостолами, а статус города в гражданской организации Римской империи. Другой критерий для определения порядка главных престолов был выбран собором, собравшимся в Риме в 382 году под председательством Папы Дамаса (ср. Декрет Геласия 3). Здесь были упомянуты три главенствующих престола — Римский, Александрийский и Антиохийский — и ничего не сказано о Константинополе. Было подчеркнуто, что Римская Церковь получила первое место благодаря словам Христа Петру (Мф. 16:18), и так как она была основана Петром и Павлом. Второе место было присуждено Александрии, престол которой основан учеником Петра Марком, а третье — Антиохии, где пребывал Петр перед переездом в Рим. Идея трех престолов Петра повторялась

Папами в V веке, в частности, Бонифацием, Львом и Геласием. Таким образом, в 381-382 годах появились два разных критерия для определения экклезиологического статуса Церкви: первый критерий подразумевал, что последний должен соответствовать гражданскому статусу соответствующего города, а второй обращался к апостольскому, а точнее, к петрову происхождению.

17. Петрова идея получила значительное развитие и углубление при Папе Льве (440-461). Он провел четкое различие между самим служением Петра и личностью, осуществляющей это служение, в которой он видел недостойного наследника (*haeres*) св. Петра (Беседа 3, 4). Будучи наследником, Папа становится "*apostolicus*" ["апостоликом" — "фигурой, представляющей апостола"] и наследует также "*consortium*" ["связь, содружество"] неразделимого единства между Христом и Петром (Беседы 5, 4; 4, 2). В результате, в его обязанности входит заботиться обо всех Церквях (ср. 2 Кор., 11:28; Посл. 120, 4). Первенство Петра основано на том факте, что Христос доверил Своих овец ему, и только ему (Ин. 21:17; ср. Беседа 83). Епископ Рима хранит привилегированную традицию Римской Церкви, традицию св. Петра (ср. Посл. 9; Беседа 96, 3). Лев рассматривал самого себя как "хранителя католической веры и установлений Отцов" (Посл. 114), обязанного способствовать уважению и соблюдению решений соборов.

18. На IV Вселенском соборе (451) чтение Томаса Льва сопровождалось следующей аккламацией [одобрительным восклицанием]: "Петр говорил через Льва". Однако это не было формальным определением преемствования Петру. Это было признанием того, что Лев, епископ Рима, возвысил свой голос за веру Петра, которую особенно хранит Римская Церковь. После этого же собора епископы говорили, что Лев был "обращенным ко всем рупором благословенного Петра... наделявшим всех благословением его веры" (Послание Халкидонского собора к папе Льву = Посл. 98 Льва). Августин также сосредотачивался более на вере, нежели просто на личности Петра, когда он говорил, что Петр был "*figura ecclesiae*" ["образ Церкви"] (Толкование на Евангелие от Иоанна, 7, 14; Беседа 149, 6) и "*typus Ecclesiae*" [тот же смысл, "образ Церкви", но термин не латинский, а заимствованный в латынь из греческого] (Беседа 149, 6) в его исповедании веры во Христа. Поэтому было бы чрезмерным упрощением говорить, что Запад понимает "камень" из Мф. 16:18 как личность Петра, в то время как на Востоке это слово понимается как вера

Петра. В ранней Церкви, как на Востоке, так и на Западе, преемство именно вере Петра имело первостепенное значение.

19. Важно иметь в виду, что всякое апостольское преемство — это преемство апостольской вере внутри отдельной поместной Церкви. В экклезиологической перспективе невозможно представить преемство от личности к личности независимо или вне апостольской веры и поместной Церкви. Поэтому слова о том, что Петр говорит через епископа Рима, означают, прежде всего, то, что епископ Рима выражает апостольскую веру, которую его Церковь получила от апостола Петра. Прежде всего, именно в этом смысле епископа Рима можно считать преемником Петра.

20. На Западе подчеркивание связи между епископом Рима и апостолом Петром, особенно начиная с IV века, сопровождалось все более конкретными ссылками на роль Петра в соборе апостолов. Примат Римского епископа среди епископов постепенно стал интерпретироваться как его прерогатива в качестве преемника Петра, первого среди апостолов (ср. Иероним, Толкование на пророка Исаию 14, 53; Лев, Беседы 94, 2; 95, 3). Положение Римского епископа среди епископов понималось в терминах положения Петра среди апостолов. На Востоке такой эволюции истолкования служения Римского епископа не произошло. Подобное истолкование никогда не было эксплицитно [явным образом] отвергнуто на Востоке в первом тысячелетии, однако Восток более склонялся к тому, чтобы считать каждого епископа преемником апостолов, включая Петра (ср. Киприан, О единстве Церкви 4-5; Ориген, Толкование на Евангелие от Матфея).

21. Подобным же образом и Запад не отвергал идею Пентархии (ср. выше, п. 13) — ведь в рамках этого понятия тщательно соблюдался порядок пяти главных престолов - Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, вокруг которых развивались пять патриархатов древней Церкви (ср. Равеннский документ, п. 28). Однако Запад никогда не придавал того же, что и Восток, значения Пентархии в качестве способа управления Церковью.

22. Примечательно, что такое весьма разное понимание положения Римского епископа и взаимоотношений главных престолов Востока и Запада, соответственно, базирующееся на разных библейских, богословских и канонических толкованиях, сосуществовало в течение

нескольких веков до конца первого тысячелетия, не становясь причиной разрыва общения.

Роль Римского епископа во времена кризиса церковного общения

23. В первом тысячелетии Церковь многократно переживала ситуации, когда церковное общение оказывалось в опасности, как, например, когда никейские определения оказались под вопросом из-за осуждения православных епископов на некоторых соборах IV века на Востоке, и когда халкидонская христологическая формула была поставлена под вопрос монофизитством и "Энотиконом" (который стал причиной акакиевского раскола) в V веке, и во времена моноэнергизма и монофелитства в VII веке, а также в период иконоборческого кризиса в VIII и IX веках. И католики, и православные в те времена признавали важность роли, которую играл епископ Рима.

24. На самом деле, начиная с IV века, росло признание Рима как центра, к которому в различных обстоятельствах могут быть направлены жалобы или просьбы о помощи со всего христианского мира. В 339-340 гг. Афанасий, епископ Александрийский, обратился с жалобой к Папе Юлию. По словам Папы, переданным Афанасием, "он (Афанасий) пришел не по своему согласию, но был вызван нашим письмом" (Афанасий, Апология против ариан, 29; ср. 20, 33, и 35). Таким образом, представляется, что Юлий не просто ответил на жалобу Афанасия, но взял на себя инициативу "вызывать" епископа Александрийского. Следовательно, в данном случае роль Папы представляется большей, нежели просто апелляционной инстанции.

25. Просьбы о помощи, с которыми обращались к Риму в моменты кризиса, иногда сопровождались подобными просьбами к другим главным церковным престолом. Иоанн Златоуст (404), например, жаловался не только в Рим, но также епископам Милана и Аквилеи. Таким образом, предполагалось, что меры, предпринятые епископом Рима, должны быть скоординированы, в духе соборности, с действиями других главных престолов. Кроме того, инициативы Римского епископа, как правило, предпринимались в рамках Римского [поместного] собора и обычно ссылались на этот собор. Таким образом, также и с этой точки зрения, они имели соборный характер. Например, в переписке периода фотианских споров Римские епископы подчеркивали, что они принимали

свои решения в соответствии с правилами или канонами и соборно ("regulariter et synodaliter" или "canonice et synodaliter").

26. Процедура подачи жалоб (апелляций) в Рим была разработана Сардикийским собором (342-343 годы, правила 3-5). Там было установлено, что осужденный епископ может обращаться с апелляцией к Папе, и последний, если он сочтет это уместным, может потребовать пересмотра дела, которое будет произведено епископами епархий, граничащих с епархией осужденного епископа. По запросу осужденного епископа Папа мог также послать своих представителей в помощь епископам соседних епархий. Хотя изначально он планировался как Вселенский собор, на самом деле Сардикийский собор стал западным поместным собором. Его правила были приняты на Востоке на Трулльском соборе (692).

27. Самое ясное описание условий, которые должны быть соблюдены, чтобы собор был признан Вселенским, было дано VII Вселенским собором (Второй Никейский, 787) — последним собором, который будет признан вселенским и на Востоке, и на Западе:

- он должен быть признан главами (proedroi [председателями]) Церквей, и они должны быть в согласии (symphonia) с ним;

- Папа Римский должен быть "сотрудником" или "соратником" (synergos) собора;

- Восточные Патриархи должны быть "в согласии" (symphronountes);

- учение собора должно соответствовать предыдущим Вселенским соборам;

- собору должен быть дан его собственный особый номер, чтобы он таким образом мог быть поставлен в ряд соборов, принятых Церковью в целом.

Хотя роль Папы здесь упомянута отдельно, существуют различные интерпретации терминов symphonia, synergos и symphronountes. Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

28. Можно утверждать, что в первом тысячелетии Римский епископ, первый (protos) среди патриархов, осуществлял роль координатора и источника стабильности в вопросах, касающихся веры и общения, оставаясь верным преданию и уважая соборность.

Влияние небогословских факторов

29. В течение первого тысячелетия ряд факторов, которые не были напрямую богословскими, играли важную роль в отношениях между Церквями Востока и Запада и повлияли на понимание и осуществление примата епископа Рима. Это были факторы различного рода, например, политические, исторические, социально-экономические и культурные.

30. В качестве значимых факторов можно назвать следующее:

- терминология, менталитет и идеология Римской империи;
- колебания имперской политики в отношении к жизни Церкви;
- перенос столицы империи на Восток;
- упадок и падение Римской империи на Западе, и последствия, которые это имело для политического и культурного равновесия между Востоком и Западом;
- постепенное культурное отдаление между Востоком и Западом, которое привело к взаимным непониманию, отчуждению и недоразумениям;
- мусульманская экспансия на территории Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, а также в области Северной Африки и Испании;
- расцвет Западной империи при Карле Великом;
- личное влияние некоторых исторических фигур.

Принятие к сведению небогословских факторов, действовавших во взаимоотношениях между христианскими Востоком и Западом, и понимание того, как они взаимодействовали с различными богословскими факторами, дает возможность глубже понять жизнь и веру Церкви и особенно различия, которые образовались между Востоком и Западом.

Заключение

31. В течение первого тысячелетия Восток и Запад были едины в определенных фундаментальных богословских принципах, относящихся, например, к важности непрерывности преемства апостольской веры, к взаимозависимости примата и соборности на всех уровнях церковной жизни и к пониманию власти как "служения (diakonia) любви" с целью "собрать все человечество в Иисусе Христе" (ср. Равеннский документ, пункты 13-14). Хотя единство Востока и Запада временами оказывалось под угрозой, епископы Запада и Востока неизменно сознавали себя

принадлежащими к одной и той же Церкви и преемниками апостолов в едином епископате. На вселенском уровне Римский епископ действовал как protos [первый] среди глав главных престолов. Имеется много примеров разнообразных обращений к епископу Рима для того, чтобы обеспечить мир и поддержать церковное общение в апостольской вере.

32. Опыт первого тысячелетия глубоко повлиял на характер взаимоотношений между Церквами Востока и Запада. Несмотря на растущие расхождения и временные расколы в течение этого периода, общение между Западом и Востоком еще сохранялось. Принцип "разнообразия в единстве", который был эксплицитно принят на Константинопольском соборе 879-880 годов, имеет особое значение для темы настоящей стадии развития нашего диалога. Определенные расхождения в понимании и интерпретации не помешали Востоку и Западу остаться в общении. Имелось сильное чувство бытия единой Церковью и решимость оставаться в единстве как единое стадо с единым пастырем (ср. Ин. 10:16). Первое тысячелетие, которое мы изучали на данной стадии нашего диалога, представляет собой общую традицию обеих наших Церквей. В своих основных богословских и экклизиологических принципах, которые здесь были идентифицированы, эта общая традиция должна служить моделью для восстановления нашего полного общения.